Ключевую роль в развитии долговых отношений в Европе сыграли на рубеже Средневековья и Нового времени перемены в законодательстве, которые фактически легализовали взимание ссудного процента и окончательно покончили со схоластической средневековой экономической доктриной. Эти перемены стали возможными только в обстановке движения европейской религиозной Реформации и протестантизма в XV–XVI веках.

Европейская Реформация: революция в умах и в долговых отношениях

Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук, профессор МГУИЭ

Реформация явилась величайшей религиозной революцией, которая совпала с острейшим со времен падения Римской империи европейским экономическим кризисом, небывалым по своей длительности. К началу Нового времени сложившаяся средневековая социальная система в Западной Европе оказалась практически разрушенной. В период с 1314 года вплоть до начала эпохи Ренессанса Западная Европа пережила тяжелейший период в своей истории. Череда стихийных бедствий, катастрофических неурожаев, многолетних разорительных войн, длительная эпидемия чумы, переходившая из одной страны в другую, привели не просто к коллапсу средневековой европейской экономики. Население Европы сократилось с 80 до 60 млн человек, ряд стран, городов и областей потеряли до 45% своего населения. Как писал английский историк Дэвид Хэкет Фишер: «Это была смерть цивилизации Средневековья».

Капитал начал играть в жизни людей все большую роль, деньги стали «великим уравнителем» в обществе, оттеснив на второй план социальное происхождение и принадлежность к тому или иному сословию. В этот период экономические основы западноевропейского общества пережили радикальную трансформацию, а вместе с ними принципиально трансформировалась и структура личности человека на рубеже Средневековья и Нового времени. Расцветает культура Ренессанса — культура состоятельных и вновь свободных людей. Развивается в рамках этой культуры и новая концепция свободы личности, которая нашла свое выражение в новой религиозной идеологии — в европейской Реформации и в протестантизме. Именно Реформация сделала возможным отступление от католических канонов регулирования ссудной деятельности, устранив мировоззренческий и психологический конфликт между стремлением к обогащению в ходе хозяйственной деятельности и религиозными догмами.

Стимул для реформ и революций в любую эпоху появляется от осознания личностью контраста между существующим общественным порядком и морально-этическими стандартами, которые индивид признает для себя значимыми, исходя из рациональных и эмоциональных соображений. Такой контраст особенно остро и одновременно ощущается массами людей в период стремительного материального прогресса общества, каким и был рубеж Средневековья и Нового времени для Европы XVI–XVII веков. Материальный расцвет сопровождался острым идеологическим и

морально-психологическим кризисом европейского общества той эпохи, когда торжество «материализма» в самой циничной форме противоречило всем моральным устоям, которые формально проповедовала Католическая церковь. Нигде этот «материализм» не достигал таких вызывающих для религиозного сознания форм, как в Ватикане.

Люди, которые начали и возглавили европейскую Реформацию, были прежде всего лично глубоко потрясены этим разрывом между религиозной теорией и экономической практикой, которая окружала их в повседневной жизни. Реформация католического христианства в лице различных направлений была поиском путей преодоления того острейшего внутреннего морально-этического кризиса и конфликта с окружающей действительностью, который делал жизнь личности переходной эпохи психологически невыносимой. Немецкие реформаторы вслед за Лютером призывали вернуться к «примитивной простоте», что, однако, никак не соответствовало новой эпохе экономического и научного прогресса. Гуманисты выступали за постепенное преодоление греховности через торжество разума над предрассудками, жестокостью и алчностью, что было крайне отдаленной перспективой. Кальвинизм предложил прагматический третий путь, который оказался понятным и идеально соответствующим зреющим умонастроениям зарождавшейся европейской буржуазии. Жан Кальвин поставил ряд простых вопросов и сам же дал на них ответ. Разве не могут быть те же самые качества личности, которые необходимы для достижения личного успеха и богатства — бережливость, тщательность в делах, трезвость и умеренность, — основанием для христианских ценностей? Разве нет возможности преодолеть зияющую пропасть между духовной жизнью и роскошью материальной земной жизни не через отвержение материальных интересов как порождения «царства тьмы», а через постановку их на службу Богу?

Это была, безусловно, революция в человеческом сознании и в христианской религиозной этике той эпохи, в результате которой появился новый тип христианской личности, свободной от невыносимого внутреннего конфликта между окружающим миром и личностными воззрениями. Кальвинизм был не столько новой теологической доктриной, сколько источником новых моральных ценностей и новой модели социального поведения. Это учение было предназначено для освобождения экономической энергии и превращения нарождающейся европейской буржуазии в дисциплинированную социальную силу, осознававшую через призму религии свое историческое предназначение. Эта сила понимала свою высшую божественную миссию и готова была проложить себе дорогу любыми доступными средствами, включая войны, революции и террор, поскольку речь шла не о каком-то мелком личном интересе, а об исполнении «божественного предназначения». Неудивительно, что европейские средние классы, в которых коренились устои кальвинизма и интересы которых он выражал, превратились в класс «железнобоких» и успешно перешли к эпохе кровопролитных революций в ряде ведущих европейских стран, наложив неизгладимый отпечаток как на их дальнейшее развитие, так и на развитие всего мира.

«РАЗВЕ НЕТ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕТЬ ЗИЯЮЩУЮ ПРОПАСТЬ МЕЖДУ ДУХОВНОЙ ЖИЗНЬЮ И РОСКОШЬЮ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ НЕ ЧЕРЕЗ ОТВЕРЖЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК ПОРОЖДЕНИЯ «ЦАРСТВА ТЬМЫ», А ЧЕРЕЗ ПОСТАНОВКУ ИХ НА СЛУЖБУ БОГУ?»

Кальвинизм сыграл неоценимую роль и в преодолении канонической доктрины в области долговых отношений и окончательном формировании «протестантской этики» капитализма. Жан Кальвин разработал не столько собственную религиозную доктрину протестантства, основанную уже на новой социально-экономической реальности нарождавшегося капитализма, требовавшего освобождения ссудной деятельности от религиозных ограничений, сколько просто привел вопрос о ссудном проценте в соответствие с уже сложившейся повседневной практикой. Опираясь на практику родной Женевы, где вопросы кредита в тот период стояли особенно остро, Кальвин внес ряд поправок в основанное на канонической доктрине юридическое толкование легитимности взимания процента, внесших принципиальные изменения в отношении церковных властей к практике кредитования. Аргументация Кальвина была проста и практична. Выгода, которую получает торговец, использующий заемные средства, оправдывает начисление процентов на предоставленный капитал. Проценты на предоставленный взаймы капитал являются легитимными, если они не превышают установленный властями «разумный предел», основанный на «естественном праве». Заемщик должен получить от займа выгоду, равнозначную выгоде кредитора, нельзя требовать по займу излишнего обеспечения, и займы бедным должны предоставляться без взимания процента, поскольку их положение принципиально отличается от положения состоятельного торговца. При соблюдении этих условий проценты по займам являются законными и оправданными, а сама ссудная деятельность получает такой же статус, как и любой другой вид разумной экономической деятельности. Выплата процентов на заемный капитал так же обоснованна, как и получение процентов по ренте на землю. Капитал и кредит являются неотъемлемыми условиями жизни общества, финансист является его полезным членом, а не парией. В этом вопросе Кальвин действовал не столько как идеолог Реформации, сколько как трезво мыслящий юрист-практик, который рассматривал свои действия как еще один дополнительный шаг на длительном пути реформирования канонической юриспруденции. Он считал, очевидно, что кредит является естественным и необходимым элементом современной ему социальной и экономической жизни. Ветхозаветные запреты были им отброшены как относящиеся к условиям экономической жизни, которые больше не существуют в повседневной действительности.

Кальвинистская социальная этика была основана на базе быстро развивавшейся городской промышленности и коммерческой деятельности. Двумя основными элементами кальвинистского учения были упор на личную ответственность, дисциплину и аскетизм, а также призыв придать общественным институтам «христианский характер»

как его понимал Кальвин. Цель кальвинистской этики не индивидуальное «спасение души», а «прославление Бога», которое достигается не только одной молитвой, но и повседневной практической деятельностью каждой личности, направленной на богоугодные дела. Это своего рода доктрина «спасения души через упорный труд». Позитивные для отдельной личности результаты упорной работы являются доказательством того, что «спасение души» уже достигнуто. Кальвинизм исключительно практичен и приземлен в своей религиозной этике. В нем находит свое отражение центральный парадокс религиозной социальной этики — только те добиваются успеха, богатства и спасения, кто изначально уверовал в свое предназначение и избранность в качестве послушного инструмента Бога. Для кальвиниста мир существует как доказательство божественного могущества и долг христианина служить этой цели. Его задача — всецело посвятить свою личную жизнь созданию «Царства Христова» на земле, в котором вся деятельность личности осуществляется в рамках строгой осознанной дисциплины, отмечал историк роли религии в генезисе капитализма Ричард Тауни.

Стремление к хозяйственному успеху и богатству стало «богоугодным делом». Вновь обретенная свобода экономической деятельности сопровождалась разрывом старых общественных связей, распадом сословий, принадлежность к которым давала человеку ощущение социальной значимости и защищенности. Вновь возник психологический конфликт взаимоотношений человеческой личности и нового окружающего его мира, настоятельно требовавший разрешения, даже путем нового отказа от личной свободы. Протестантизм стал религией городских средних классов и низов, бедноты и крестьянства, поскольку предложил решение этого социально-психологического конфликта, во власти которого находились массы экономически активных людей того времени. Человек, оказавшийся в ситуации, когда спасение души перестало быть смыслом всей его земной жизни и экономической деятельности, был готов воспринять идеологию, определявшую его новую роль и место на земле как подчиненные иным целям, а именно экономической продуктивности и накоплению капитала. Смысл жизни сводился теперь к экономическим достижениям. Новое отношение к личной предприимчивости и к работе как к самоцели могут считаться наиболее значительными социально-психологическими изменениями, имевшими место на рубеже Средневековья и Нового времени. В новом обществе быстро нарождающегося капитализма люди работали уже не столько под давлением внешних обстоятельств, сколько из внутренних побуждений, осознавая свой личный экономический успех как богоугодное дело и находя в интенсивной работе выход из состояния внутреннего психологического конфликта личности. Внутреннее побуждение к продуктивной экономической деятельности было гораздо более мощным двигателем, чем любая из форм внешнего принуждения к труду. «В истории не было другого такого периода, когда свободные люди полностью отдавали всю свою энергию одной цели: работе. Это стремление к неустанной работе было одной из мощнейших производительных сил, не менее важным для создания индустриальной системы, чем пар и электричество», — писал Эрих Фромм. Восторжествовала протестантская хозяйственная этика, что дало дополнительный толчок быстрому развитию капиталистических отношений на рубеже Средневековья и Нового времени. ©

X Российский облигационный конгресс

6–7 декабря 2012, Санкт-Петербург

Организатор:

www.cbonds-congress.com

Генеральные спонсоры:

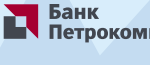
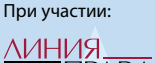
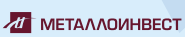
Спонсор гала-ужина:

Официальные партнеры:

Спонсор приема:

Спонсоры:

Спонсор турниров по боулингу и бильярду:



При участии: